

ИР 1 307 120

Александр
Сидоренко

ЧУЖОЙ

СТИХИ

**Александр
Сидоренко**

Александр
Сидоренко

ЧУЖОЙ

Стихи

Вологда – Череповец
2001

Миниатюрное издание

Александр Сидоренко

«Чужой».

Стихи.

Авторская редакция.

Портрет.

Оформление, ручной переплет В.В.Богачев.

А-62 без объявления

© Сидоренко А.М. 2001

© «Палисад» 2001

Александр СИДОРЕНКО

Сидоренко Александр Михайлович родился 25 сентября 1957 года в городе Ейске Краснодарского края. В настоящее время живет в городе Череповце, работает учителем русского языка и литературы. Имел публикации в периодических изданиях Вологды и Череповца: газетах "Речь", "Курьер", альманахах "Автограф", "Воскресенский проспект".

* * *

По кромке сна в ночи тревожной
Далек мой путь.
Уснуть казалось так возможно.
И не уснуть.

Виденья рук и глаз виденья
Не разгадать.
И прочь гоня ночные тени,
О них мечтать.

И слез беспомощным раздольем
Себя корить.
И сладость свежей, детской боли
Себе дарить

По кромке сна в ночи тревожной
Далек мой путь.
Уснуть казалось так возможно.
И не уснуть.

Праздничный чай

Может быть, пили когда-нибудь сами
Праздничный чай со своими слезами.
Пили с друзьями, любимой, родными.
Вроде бы – с ними, а вроде – не с ними.

Стол – костюмерная. С рюмкой и в пляске
Словно на сцене, меняете маски.
Маски пристойности, маски приличья,
Но на душе лишь одно безразличье.

Где-то внутри, кислотой обжигая,
Мечется мысль совершенно другая.
Слез водопады – им некуда деться.
Праздник в разгаре – нельзя разреветься.

Влага кипучая! Ну – выручай.
Брызнули слезы в дымящийся чай.

Гости вниманием – нет – не обидят.
Капли хрустальной полет не увидят,

* * *

По аллее тенистой,
Как по осени ранней,
Под шуршание листьев
И под ветра дыханье

Это было случайно,
Это было невольно,
Это было печально
И немножечко больно.

Лишь на ветках уснули
Одинокие звуки,
Лишь мгновенья текли не спеша,
Лишь слезинки блеснули,
Лишь отдернулись руки,
Лишь рванулась куда-то душа.

Сонет

Уже ль ты помнишь миг случайный,
Игру непрошенных теней
И зов таинственно-венчальный
Души оттаявшей твоей?

Дурман стихов и откровенье
В тиши разбуженной струны,
И пальцев робкое сплетенье,
И шепот лунной тишины?

И знаешь - незачем лукавить.
И знаешь - незачем спешить.
И миг грядущий не представить,
И целью жест не заострить.

В часы раздумья и печали
Уже ль ты помнишь миг случайный?

* * *

И Заболоцкому

Утро ранит восток. Кровоточит и ширится
рана.

Зарастают зарей полуночного неба пути.
И сплетают шатры над моей головою
дубравы,

И с высокой травы изумрудные льются
дожди.

И незрима тропа. И любовь – перелетная
птица-

Свои крылья согрев ароматным заморским
теплом,

То кружит надо мной, то на хрупкие ветви
садится,

То опять мою грудь задевает прохладным
крылом.

Положу на ладонь одинокой улыбки
кусочек.

И закрою глаза. И растают на травах шаги.

Но кружится любовь, на ладонь опускаться
не хочет,

Очарованных глаз не сводя с осторожной
руки.

Положу на ладонь доброты розоватые зерна,
Накрошу на ладонь тонкий лучик из
пасмурных дней.

Но кружится любовь. Так рука терпеливого
вора

Ворожит над сумой недоверчивой жертвы
своей.

Положу на ладонь перед казнью последнее
слово.

Положу на ладонь пред ушедшим навечно
вину.

И слезу уроню, и пахучей иголкой еловой
Ароматную кровь из ладони своей зачерпну.

Из ладони моей пожелает, быть может,
напиться.

Как напиток хорош - на крови он настоян

людской.

Но кружится любовь – осторожная, нежная
птица-
И о чем-то кричит, пролетев над моею рукой.

Вечером

Увядший локон поправляя,
Стоишь над сумрачной водой.
И тихо вечер поселяет
В движенья бархатный покой.

Но, не стараясь удивить,
Спросил я тихо: «Извините,
Позвольте вечно вас любить».
« Ну что ж, пожалуйста, любите».

И, как положено потом,
Играли в тайны - откровенья.
И, как положено потом,
На миг сливались наши тени.

И, как положено потом,
О чем-то давнем замолкали.
И, как положено потом,
Прощально пальцы расшлетали.

Неволен гнет безликих слов.
Не потому ли так желанна
Случайность этих вечеров,
Тепло улыбок безымянных.

Когда просторно и беспечно,
Когда вне будничных интриг
Любить возможно только вечно,
Хотя бы... час, хотя бы... миг.

* * *

Моей груди просторный склеп
Гудит таинственно ночами.
Там кто-то тычется о камень,
Как будто только что ослеп.

И утром я ишу его,
Чтоб к свегу вывести из темницы.
Но след багряный лишь дымится.
И нет там будто никого.

Кто ж там? Со мною ли опять
Со скуки память поиграла?
Иль это эхо запоздало
В груди ко сроку отзвучать?

Лишь только сна тяжелый плащ
Коснется глаз – все повторится:
Тихонько кто-то постучится,
Уронит стон, уронит плач.

И сна волшебные пути
Скрывает бережная дымка.
И боль любви, как невидимка,
В пустынной мечется груди.

* * *

Уже виски в смятенье не сожму:
Отплакалось. Покойно и безбожно.
Уже и жить как будто ни к чему,
И умереть как будто невозможно.

* * *

Я закрою тяжелые двери,
Утаю и уют и тепло.
Будет путь ваш надежно потерян.
Замело, замело, замело.

Я укутаю зябкие плечи,
Я забытую книгу возьму.
И в подсвечнике алые свечи
Оживут, оживут, оживут.

Будет вьюга ощупывать стены,
Будет кто-то стучаться в окно,
Будет литься из долгого плена
В мой бокал дорогое вино.

Я забуду долги и тревоги,
Я забуду в кармане ключи.
Об одном лишь прошу: ради Бога,
Не ищи меня, друг, не ищи.

Рецепт

Пришел больной. Сказал, что звезд
Не видит он в ночи.
Что он боится мглы и гроз
И в спорах он молчит.

Сказал, что женщины давно
Во сне не видел он.
Что хочет жить, что хочет..., но
Наверно, обречен.

Чтоб женщин видели во сне.
Чтоб – только хороши –
Я пропишу вам юный снег
В нехоженой глуши.

Я пропишу вам дальний лес,
Деревни темноту
И на погосте ветхий крест,
Что высох на посту.

Чтоб не робеть перед грозой
И в спорах знать успех,
Я пропишу кровавый бой
И льва далекий смех.

Но чтоб скорей вернулся сон,
Болезни срок истек,
Вы нынче в стреляный патрон
Посадите цветок.

И утро каждое с зарей
Придется вам вставать
И свежей кровью и слезой
Цветок тот поливать.

И в миг, когда весь город спит,
Себя и мир забыв,
Как порох, вспыхнут лепестки,
Все разом озарив.

И юный снег, и дальний лес
У старого плетня

Сольются в праздничную песнь
Под музыку огня.

Пускай звучит она сильнее,
Просторна и горда
И серый лед души твоей
Растопит навсегда.

Могилы Ленского

А здесь, как прежде, ни души,
Скелет цветка у изголовья.
Как будто дочь лесной тиши
И не имеет дело с кровью.

Волшба красавиц

Мы опять обаятельны,
Мы опять восклицательны!
Источаем старательно
Свежих роз фимиам.
Будьте с нами внимательны,
Мы ведь так привлекательны,
То любые ваятели
Поклоняются нам.

Поклоняются – маются
И ночами стараются
Наши светлые таинства
Покорить – разгадать.
Почему мы красавицы?
Потому что нам нравится
Осторожными пальцами
Эдельвейсы ласкать.

Потому что взволнованы,
Если витязь оковами

В темноте замурованный
Так печально звенит.
Потому что без слова мы
Обещаем рискованно,
Что желанья новые
Наше тело сулит.

Словно нехотя рядом мы
И случайными взглядами
Разрушаем преграды мы
И спешим доказать,
Что почти что наяды мы,
Что нет лучшей услады нам...
И пленительным ядом мы
Наполняем глаза.

Опять вдоль берега ночного
По кромке шорохов идешь.
Грустишь ли снова, ждешь ли снова,
В себе себя ли узнаешь?

Безликих слов ли грим смываешь
Речной волной?
На волю ль душу выпускаешь
Сама с собой?

Заря спугнет речные тени-
Ее ль вина?
Следы ночного откровенья
Сотрет волна.

И повседневность день объявит,
Призвав спешить.
И вновь спасительно заставит
Себя забыть.

Но вскоре – тех же звезд кристаллы
И тишина.
И ты на краешке причала
Опять одна.

* * *

У огня: у костра, у печи -
Наши думы спокойней и проще.
Наше прошлое больше не ропщет,
Наше будущее не кричит.

У огня: у костра, у печи –
Быть не надо изящным и метким.
Лишь подбрасывай хрупкие ветки,
Лишь о чем-то насущном молчи.

У огня: у костра, у печи.

Стереовечер

Мечется,
 мечется
 стереовечером
Светлое будущее
 человечества.
Джинсы – парадная форма
 беспечности
Мечутся,
 мечутся,
 мечутся,
 мечутся.

Слушайте, слушайте, ноги послушные:
Воздух толкают динамики дружно вам,
Будто бы шлют поцелуи воздушные:
Слушайтесь,
 слушайтесь,
 слушайте,
 слушайте!

Каблучки

За спиной каблучки застучали.
Для меня ли их стук, для меня ли?
Им навстречу, навстречу рвануться!
Но нельзя, но нельзя оглянуться.

Догоняют. Глаза закрываю.
Где я, что я – не помню, не знаю.
И покорно сдаюсь наважденью,
Растворяясь в грядущем мгновенье.

Но рука на плечо не ложится,
И не слышно обещанных слов.
Чей-то след на асфальте дымится.
Удаляется стук каблучков.

Другу

Ты прав, мой друг, еще не вечер.
Еще, прищурясь, смотрим вдаль.
Еще нежны избранниц плечи,
Еще сладка порой печаль.

Еще наивные восторги,
Как ливни вешние, шумят.
Еще кумиры в блеске оргий
О высшем смысле говорят.

Еще явлений ждем чудесных,
Былого впрячь не тянем нить.
Еще мечтаем свод небесный
Себе на плечи возложить.

Еще наш лавр не зеленеет,
Еще широк невольный жест,
Еще уста сокрыть не смеют
В душе родившийся протест.

Ты прав, мой друг, еще не вечер.
И не скопить нам годы впрок.
Сожжем – и, верно, станет легче –
Тоску своих невольных строк.

* * *

Я помню - смутная тревога
Мешала дню венчаться сном.
Мы тихо спорили о боге,
Как о прадедушке своем.

И вдруг сквозь бархат полумрака,
Не оскорбленного лучом,
Сказала тихо ты: «Однако
Мы все когда-нибудь умрем.

Мы все умрем, умрем... поверьте.
И, право, кто в том виноват...».
Но робко плыл твой грустный взгляд
Ко мне в надежде на бессмертье.

Праздники не праздничны.
Будничность обыденна.
Слово добрый сказочник.
Умер неожиданно.

Люди ходят парами
Теми же бульварами.
Что-то с вами станется-
Вместе ли состаритесь?

Я не обязателен
В толпах обывателей.
Поднимусь к приятелю-
Станем вспоминать.
Мы не злопыхатели-
Вежливо внимательны...
Старому приятелю
Нечего сказать.

В ресторане

Пусты графины и бокалы.
Пора веселью подчиниться.
Как встарь, призывны и усталы
Случайных женщин полулица.

Ну что ж – пойдем вершить обряд
Дежурных слов, дежурных взглядов.
Конец известен, и не надо
Признаний пышных и тирад.

Мы нынче пьяны безупречно:
Пуста душа, пусты карманы.
Тускнеет взор, и никнут плечи,
И давят стены ресторана.

С плеча струятся чьи-то слезы,
Но и теперь в признание пьяном
Никто не скажет: "Слишком поздно".
Никто не скажет: "Слишком рано".

Лишь долгий взгляд в бокале тает,
Лишь кто-то шепчет: "Дальше, дальше..."
И время тихо обтекает
Тела недвижимые наши.

* * *

Всесильный, стальной, справедливый!
Твори, совершай, беспокойся!
Но мир, так тобою любимый,
В тебе не нуждается вовсе.

Чурайся и спора и боя,
Ранимый, больной и бессильный.
Но мир, нелюбимый тобою
Наступит на холмик могильный.

Станции

Прощались долго и искусно:
Застолье - улица - вокзал.
И кто-то преданный и грустный
Меня незримо провожал.

И снова плыли в отдаленье,
Срываясь в пропасти лесов
Огни уютные селений,
Огни дрожащие костров.

И кто-то шепотом бранился,
И кто-то звал покорно спать,
И белый дым вокруг клубился
И не решался улетать.

А где-то там мой друг искусно
Столы для встречи накрывал
И кто-то преданный и грустный
Шаги со стрелками сверял.

* * *

А что же дальше – тишина
Чужих шагов по листопаду.
И погрузить как будто надо,
Да тема грусти не дана.

А что же дальше – в дом войти,
Коснуться клавишей рояля.
Играть, забыв, что все устали,
Затем внезапно в ночь уйти.

Забуть прошедшие года,
Забуть прошедшие примсты
И, как бездомная звезда,
Бродить о чем-то до рассвета.

Два портрета

1

Ты на взгляды уже бережлива:
Раздарила. Гостям иль страстям.
И ресницы-плакучие ивы
К обмелевшим склонились очам.

2

И. Р.

И не строга, и не горда,
Но в блеске глаз такая сила,
Что мне казалось: у бедра
Она всегда кинжал носила.

Вечер Имен

Лимонные блики спустились на стекла,
И в доме заброшенном, доме старинном
Туманно качнулись холодные окна
Давно безголосых и пыльных гостиных.

Как будто от сна встрепенулась струна,
Шаги у тяжелых дверей замирают.
И медленно входят в подъезд имена,
И медленно шляпы в прихожей снимают.

И ищут, хозяевам руки пожав,
Знакомые лица, знакомые моды.
И словно в смятенье их тени дрожат,
Когда они старых имен не находят.

И снова беседы: «О, вы безупречны!»
«Ну что вы, ну что вы» «Да нет – в самом
деле!»
"Позвольте поздравить – вы молоды вечно".
«А вас вспоминают – вы так постарели».

Но вот зажигаются длинные свечи,
Но вот прекращаются тихие речи.
И вот уж сменяется вальс менуэтом,
Поэт седовласый – безусым поэтом.

И через минуту луна заиграла
На вензелях хитрых старинных бокалов,
И в тихую песню слились не случайно
Эпох отгоревших земные печали.

И властвуют снова старинные даты,
Обряды венчальные, траурный звон.
И тени свечей, отгоревших когда-то,
Незримо струятся по лицам имен.

* * *

Создайте мир. Да будет он широк,
Чтоб вас вместить в минуты потрясения,
Чтоб вас спасти от участи осенней,
Согреть теплом придуманных тревог.

Создайте мир. Заприте от людей.
Гоните прочь и всяких, и немногих.
Создайте мир, в котором вы и боги,
И узники фантазии своей.

О, видел я: среди таинства игры
В глазах детей, азартом воспаленных,
Рождаются мятежные миры,
Впервые примеряются короны.

И видел я: среди тысячи сует
В глазах друзей, задумчивых и чинных,
Мелькал на миг знакомый этот свет,
Знакомый свет, как будто беспричинный.

Создайте мир! Как сказочный чертог,
Он примет вас. Он ваших грез творенье.
Создайте мир! Да будет он широк,
Чтоб вас вместить в минуты потрясения.

* * *

Взойдет ли день во славу бытия,
Прольет ли ночь туманные виденья, -
Веленье вечности тая,
Летишь, случайная Земля,
Средь звезд случайного сплетенья.

Смущает ум величье пустоты,
И в небо взор беспомощный стремится:
Мы ищем в бездне темноты
Привычной разуму черты,
Привычной разуму границы.

Меж изящных страстей
и корыстных затей
Бродят взгляды бездомные,
словно нищие дети.
Пожалей же их, Господи,
пожалей, пожалей!

Ты услышь меня, Господи,
умоляю, услышь меня,
Уведи меня, Господи,
от себя и людей!
Пожалей меня, Господи,
не по долгу Всевышнего –
Как отец меня, Господи,
про себя пожалей.

* * *

Стряхните груз цепей и мантий,
Не верьте святости вериг.
Я вас прошу – на миг устаньте.
Я вас прошу – хотя б на миг.

И вдруг скажите: «Неужели...»
И вдруг полейте все цветы.
И вдруг поймите, сколько в теле
Забывтой вами красоты.

Разденьтесь, зеркало возьмите
И, не смущаясь наготой,
Еще не веря, удивите
Себя собой, самим собой.

Усталой матерью, наверно,
С тобой мы были рождены:
Из мягкой стали наши нервы,
Из хрупких звуков наши сны.

И шагом робким и пугливым
Куда-то медленно бредем.
Душа горит неторопливо
Больным неоновым огнем.

И строгий ум на зов неожиданный
Уже рванутся не велит
И мысли пламенной и странной
Раздумьем тяжким не сулит.

Но счастья маленьких традиций
Мы все ж, поверьте, не бежим.
И мы решим порой влюбиться
И оступиться мы решим.

Слезой случайно прольемся,
Былое вспомнив божество.
И столько раз еще проснемся,
Не зная сами для чего.

* * *

Мы здесь: и убийца, и некто, и гений.
Бредут поколенья, бегут поколенья.
Пусть стали острее минуты страданий,
Острее отточены пики желаний –
Нам имя едино: земляне, земляне.

Довольно метаться: бессмертия нету,
Живи, не страшась никакого суда,
Чтоб в общую память огромной планеты
Спокойно и гордо уйти навсегда.

Реанимация

Бледные стены склонились над койкой,
Все неприметней холодные вздохи.
Пульс?
Ожидание...
Сколько же, сколько?
Плохо...

Утром, поверьте, все будет прекрасно —
Шепчет надежда-неопытный врач.
Четки-секунды считает бесстрастно
Время-союзник иль время-палач.

Тонкая трубочка нитью последней
В розовых пальчиках нервно дрожит.
Алою капелькой белый передник
Насквозь пробит.

Пульс исчезает. пульс ускользает.
У изголовья костлявый урод
Крепкими пальцами горло сжимает.

Краны открыты —
В бой — кислород!

Реанимация. Бой до конца.
Стонут в бессилье живые сердца,
Только не слышно их — снова и снова
Бьется предсмертное сердце больного,

Дарит, как милость, удары скупые,
Тихо лепечет, готовое сдаться.
Прав не имеют звуки иные
В маленькой комнате
Реанимации.

Сколько?
Молчание.
Сколько?!
Молчание
Белую шапочку пальчики комкают.
Скрипнула дверь —
Ни к чему ожидание.
Что ж ты провисла,
Трубочка тонкая?..

* * *

В безучастии чьем-то – покой.
Равнодушно живой, будь со мной.
На бездушье беззлобие - награда.
Жить безлюдьем, ночной тишиной –
Лучшей доли не надо, не надо.

Как тревожно – ты будто на мушке,
Но стрелка не увидеть – хитер.
И не скрыться – в ловушке, в ловушке!
Слышишь – щелкает где-то затвор.

Заслониться, бежать, оглянуться,
Ослабевшие руки поднять!
В ожидании сжаться, пригнуться
И глазами убийцу искать.

Только так же невидимо вскинут
Беспощадный зрачок – ожидай.
Выстрел грянет, но грянет лишь в спину.
Так не медли же, снайпер, стреляй!

Кубик

Кто-то надежно скопит и кушит,
Счастье оплатит прелым рублем.
Прочь мертвечину – катится кубик,
Счастья граненый катится ком!

Мимо уставших, мимо похожих,
Мимо богатых, мимо больных,
Мимо уютных, мирных прохожих,
Мимо – подальше – от проходных.

Мчись - выпускаю – к черту уловки!
Граней мельканье –

и в тишине

Э т о мгновение до остановки –
Божье раздумье:

«Да» или «Нет».

Дом

В. Рябинину

С таким трудом тушили дом,
А он горел с таким трудом.

Вокруг бетонные домища,
А в них зевак поболе тыщци.
Вокруг сирены, топоры,
Шипенье, красные багры.

А дом, хромой и деревянный,
С полуразрушенной трубой,
Хотел гореть светло и пьяно.
Бессильным маленьким смутьяном
Он рвался в небо, точно в бой.

Заполнив пламенем все поры,
Он все спешил, спешил гореть,
Как будто знал, что очень скоро
И так придется умереть.

Но только ТАК! Пускай услышат,
Как пляшут демоны огня!
Он стал моложе, чище, выше.
Он, верно, сам поджег себя.

Но струй змеиное шипенье,
Но пены ватник снеговой
Смиряют радостное пенье,
Призвав к покою остов твой.

...Свисают ключья желтой пены
Со рта обугленной трубы.
Стекло да грифельные стены,
Да капли мертвые воды.

И лишь дымок у окон вьется,
Как будто где-то у печи
Больное сердце еле бьется.
Еще немного – замолчит.

С таким трудом тушили дом,
А он горел с таким трудом.

«Убит прямым попаданием»

(из сводки)

Как будто под ноги метнули парчу.
И взвилась она, горизонт закрывая.
Я с теплыми комьями в небо лечу,
Последней секундой себя измеряя.

Как много меня! Я с собой не знаком!
Я стал великаном! Бунтующей Этной!
Я жизнью заполнил безжизненный холм,
Рванувшийся к небу легко и победно.

Не вижу! Не слышу! Уже ли покой?
Но нет – продолжаюсь, я чувствую это.
Я чувствую воздух летящей землей.
Я чувствую стоны упругой планеты.

Я чувствую силы счастливой прилив
И чувствую я, разможжен и истерзан,
Как тругся до боли кусочки земли
У самого сердца, у самого сердца.

Не плачьте! Забудьте одно из имен.
Поверьте – не всем выпадает такое!
О нет! Не убит – я отныне рожден
Летящей, ревущей, счастливой землею.

Но что это?.. Давит... И тяжкого сна
Зачем набегают и ширятся тени?
Паденье... Паденье! И вдруг – тишина.
О нет! Тишина. Тишина и забвенье.

Шествие гор

Давно это было. Мудрец и паломник
Не станут легенды под вечер слагать.
Тогда еще некому было запомнить
И некому было о том рассказать.

...Скрывая ущелий прохладные норы,
Скрывая кристаллы недвижных озер,
Толпой молчаливой тяжелые горы
Взирали с небес на зеленый простор.

А там, на лугах, меж зеленых идиллий,
Меж дивных сплетений цветов и ручьев
Скользили тела кровожадных рептилий,
Алели скелеты невиданных львов.

И чавкало что-то и что-то жевало,
И слышался топот испуганных ног,
И кровь, со слюною мешаясь, стекала
По бархатным мордам на желтый песок.

Но замерло все в первобытной тревоге,
Но ужас объял изумрудный простор:
Смотрите – встают на гранитные ноги
Седые громады безжалостных гор.

Ровняя шеренги – на битву, на битву!
Растопчем! Размечем! Сметем! Покорим!
Как будто бы боги в доспехах гранитных
Войну начинали с созданием своим.

Несется живое, сметая преграды,
Все ближе удары гранитных столбов.
Один только шаг – и растоптано стадо,
Огромное стадо огромных слонов.

Все ближе! Все ближе! Проклятье и горе
В рычании тигра и столах гиен.
И вот уже море, холодное море
Ложится у ног атакующих стен.

«О где ты, живое? – хохочут пещеры. –
Где вой твой и скрежет средь битвы
ночной?».

И андов фаланги и цепь кордильеров
Навечно нависли над синей водой.

Но там, за спиной равнодушной лавины,
На грязных клочках изумрудных лугов
Из вечных дубов вырубают дубины
Потомки рептилий, макак и слонов.
И хриплые звуки взлетают тревожно,
И вкусно хрустит ароматная кость.
И крики – похожи. И стоны – похожи.
И красное снова с зеленым слилось.

Давно затянулись глубокие раны,
Но хочется верить, что все ж неспроста
Все чаще над миром грохочут вулканы
И звери в испуге меняют места.

И знаю, и верю, и жду я, что скоро
Земля задрожит от гранитных шагов,
И двинутся горы, могучие горы
В победной раскраске высоких снегов.

Сверхновая

О нет! Я знаю – не умру:
Я слишком жив и слишком вечен.
Не страшно плотью в землю лечь мне,
Не встать однажды поутру.

Не страшно мне: я помню сон:
Вблизи меня звезда рождалась,
И в муках бездна содрогалась,
Взрывая черный небосклон.

Вселенной черная руда
В животворящем билась горне.
Мазками красного на черном
Росла и ширилась звезда.

Она сжималась на миг
В комок дрожащий и упругий
И мрак царапала от муки
Когтями вихрей огневых.

Но вот огня дрожащий ком
Вздыхнул, затих, изнемогая,
И вдруг рванулся, оглашая
Окрест Вселенную огнем.

А я – незрим и невредим –
Средь торжествующего света
Был где-то там и видел это,
И знал, что дальше будет с ним.

Так плыли мы сквозь пустоту.
Я – был, мне временем пришлось.
Она ж из чуда превращалась
В обыкновенную звезду.

И, верно, вечно б через тьму
Наш путь неспешный протянулся,
Но час настал – и я проснулся
И ныне, кажется, живу.

Но знаю я, что жизнь пройдет,
И, как предписано случиться,

Вблизи меня звезда родится
И по Вселенной поплывет.

Новый год

И этот звон, и ласковый и грозный,
И этот снег, грядущий свысока,
И Новый год. И залпом пьются слезы.
И исповедь все так же коротка.

И фонари, поскрипывая, дремлют.
И белый пес расплакался во сне.
И гладит снег взволнованную землю.
И Вечность возникает в вышине.

Рыбалка

Мал улов. Баркас качает.
Окуньков агонья бьет.
Стерлядь часто открывает
Человеческий свой рот.

Этим ртом бы целоваться,
Горько плакать и терпеть.
Этим ртом бы улыбаться,
Колыбельные бы петь.

Посмотри – осколки речи
На губах еще видны.
Словно губы человечьи,
Беззащитны и красны.

Кровь толчками. Красно! Красно
На клокочущих губах.
Захлебнулся крик напрасный
И продолжился в глазах.

...Окуньков едва качает
Розоватая вода.
Черной бездной замирают
Чуть дрожащие уста.

Сирень

Вторженье рук. На боль, на гибель!
Кустов скелетики хрустят.
Как рой испуганных колибри,
Вспорхнул сирени аромат.

С ветвей, склонившихся от муки
Над черным зеркалом воды,
Стекают медленные звуки
В печали полные пруды.

И там, где сломанные тени
Покой нарушенный таят,
Стучится веточка сирени
О красный панцирь бытия.

МЕККА

Н. Гумилеву

О божественный край! Там от века до века
За долинами рек и стеною хребтов
Возлежит на песках белоснежная Мекка
В невесомой чалме голубых облаков.

Там по небу, как воск, растекается солнце,
Шевелится песок от упругих лучей.
Но вперед, пилигрим, будут часты колодцы,
Будут весело бить миллионы ключей!

Но вставай, пилигрим! Пробегают
джейраны.
Поспеси же вослед и пока позабудь,
Как последним платком перевязывал рану,
Как последним глотком освежал свою грудь.

Но вставай, пилигрим! Но надейся и помни,
Продираясь вперед через дебри лучей —
Ты не путник теперь - ты Великий

Паломник,

Ты спаситель души одинокой своей.

Ты идешь, словно бог, по зеленым долинам,
Ты по тропам идешь огнедышащих гор,
Ты уколешь ладонь о седые вершины
И напьешься воды из соленых озер

А потом .. а потом обожженные веки,
Замерев, ты сомкнешь, ты устало сомкнешь.
И, упав на песок пред божественной Меккой,
Край одежды ее ты к губам поднесешь.

И растает печать. И, невинно опальны,
По щекам побегут золотые ручьи.
И поднимутся ввысь горделивые пальмы,
Где упали счастливые слезы твои.

* * *

Задернуть бы шторы, забыться, уснуть
И утром проснуться, но это не просто:
Я видел, как мальчик играет в войну,
Как губы сжимает жестоко и взросло.

Его автоматик в отдаче дрожал –
Налево – направо, налево – направо.
С каким наслаждением он убивал
Еще не из мести, еще не во славу.

Я видел, как в теле скрывается сталь.
Я видел сквозь дымку холмы Тамерлана.
И кто-то мальчишку приветствовал:
«Хайль!».

И кто-то ладонью придерживал рану.

Есть жажда руки, ощутившей клинок.
Есть жажда убить, и всегда безответно.
И где-то привычно спускает курок
Вчерашний мальчишка в зеленом берете.

Человек

По льдам, пустыням и саваннам,
Как ящер, полз за веком век.
Но сук схватила обезьяна —
И в мир явился человек!

Сначала он во время оно
С друзьями мамонтов гонял,
Потом завел себе корону.
Друзей стада пасти послал.

Придумал цепь, вино и моду.
И как-то, гневом одержим,
Одним он выдумал свободу,
Неволю выдумал другим.

Придумал идолов и веру
В крови сородичей купал,
И вдруг Милосскую Венеру
От скуки как-то изваял.

Затем во имя изобилья
Металл в монеты превращал,
Затем построил он Бастилью.
Затем Бастилью разрушал.

И философские вершины
Он штурмовал из года в год.
И изобрел он медицину,
И изобрел он пулемет.

Душил, насиловал, бранился.
Стихи украдкою писал.
Однажды чуть не застрелился.
Друзей однажды расстрелял.

И силу атомного солнца
В кулак сподобился зажать.
Но, вот беда, не разберется:
Иль жить ему, иль умирать.

* * *

Мамонт в яме!
Мамонт в яме!
Метит лоб граненый камень.
Воеет вкусная громада.
Крепок череп – вот досада!
Но вокруг мелькают руки,
Помогают,
Добивают.
Бьется мамонт в смертной муке,
Замирает...
Замирает...

И вот уже на стенах тени,
Смыкает веки тишина.
Минута лени, сытой лени
По воле случая дана

А что же дальше – миг жесток:
Рука однажды ошибется –
И львица в мяконький клубок

С ухмылкой сытою свернется.

Но это завтра. А пока
Блестят базальтовые своды.
И в миг беспечного зевка
Ты будешь счастлив, сын природы.

Порок

Снова зов, дальний зов, словно рокот
Неизбежной лавины в ночи.
Приближается бездна Порока,
Остальное – трусливо молчит.

Этот миг восхищенья и муки,
Сочленения льда и огня!
Изумленные люди и звуки
Стороною обходят меня.

Закружило, подмяло и бешено
Надругалось от губ и до пят,
Будто стаей животные женщины
Вождедеют, терзают, кричат.

И кончают... Все разом... И сломанно
Разбросав свои тени во мгле,
Замирают, блаженством раскованы,
На горячей и влажной земле.

Все. Пора. Удаляется ропот.
И всплывают предметы во тьму.
Но я знаю: служу лишь Пороку,
Лишь ему, лишь ему одному.

* * *

Мы бережны – слишком.
И мелочны – очень.
Но в час, когда тают
Огни на земле,
Мы гасим г л а з а
И небесные о ч и
Во мгле зажигаем,
В нетопленной мгле.

Очей величавых
Грядет восхождение.
Так спутать легко их
С безумьем и сном,
Ведь свет их играет
С причудливой тенью,
Похожей на что-то,
Что будет потом.

Мимо адских огней,
 мимо райских сверкающих врат,
Восходящий поток
 удивленья, тоски и смятенья,
Нисходящий поток
 пониманья, смиренья, добра.

* * *

Среди Вселенской пустоты
Теперь, всегда, везде и где-то
В сиянье гаснущей звезды
Висят холодные планеты.

Уже нетающего льда
Мерцают призрачные груды...
От них полвечности – туда.
От них полвечности – оттуда.
И здесь, во мраке пустоты,
В моей душе – везде и где-то –
В сиянье гаснущей звезды
Висят холодные планеты.

Солдаты

Щелчок – и гильза разродилась,
Начало тленья возвещая.
Оружье тихо опустилось,
Другую жертву поджидая.

Простим солдата – наш покой
Храним безропотно и свято
Его безжалостной рукой,
Его грехом. Простим солдата.

Врагов возможно ль оправдать,
Возможно ль не спешить с расплатой?
Но им пристало убивать
Уж потому лишь, что солдаты.

А смерть какой измерить мерой –
Гниют вчерашние стрелки,
Коварство ль это иновера
Иль воля праведной руки.

Простим солдата – наш покой
Храним безропотно и свято
Его безжалостной рукой,
Его грехом. Простим солдата.

Оружие

Когда вам тревожно, когда вы устали,
Когда безразлично, что будет потом, -
Зовите на помощь уверенность стали,
Что спит в тайничке настороженным сном.

И сонную смазку, и ветоши пряди
Любовно снимите на радость глазам:
Оружие любит, когда его гладят
По черным, блестящим, прохладным бокам.

Его вы погладьте, не требуя платой
Ни верности боя, ни лени в курке.
Так мысленно гладят заснувшего брата,
Любимого брата по сильной руке.

Чуть-чуть поиграйте: изящно подбросьте,
Изящно поймайте, прицельтесь потом
Сначала в слоненка из папиной кости,
А после в ворону, что спит за окном.

За темной портьерой кого-то заметив,
Вы черную пулю представьте в стволе.
С оружием играют солдаты и дети.
Кто крепче их спит на тревожной земле?

Мужчина с мужчиной – вы молча сидите,
И в этом молчании нет никого.
Но только оружие не оскорбите,
Небрежно оставив игрушкой его.

Коль пули в сторонке, то в ствол не глядите:
Что очи пустые вам могут сказать.
Вложите патроны, затвор оттяните
И только тогда посмотрите в глаза.

Вы в этих глазах непременно прочтете
Что было, что будет – в них нету теней.
А если курок осторожно нажмете,
То друга, поверьте, не будет верней.

Орбита Плутона

Орбита Плутона – загадочный путь.
Там время, как скалы, весомо и зримо.
Там звезд отпылавших лучи-пилигримы
Садятся устало в пути отдохнуть.

Плутон! Изваянье из черного льда!
Плутон! Неделим на рассветы и ночи.
И только отсель убедишься воочью,
Что жаркое солнце – всего лишь звезда.

И к самой убогой из звездных лачуг,
К холодной планете, к опальной планете
Я вновь прилетаю на старой ракете
И брэнное тело от смерти лечу.

Лечу, свою грудь подставляя лучу,
Что видел великих миров погребенье.
Лечу, созерцая, как гаснет мгновенье,
Как гаснет веками. Лечусь и лечу.

И плавно Плутона нетленная плоть
Плывет, равнодушна ко всем преисподням.
И мы обгоняем останки Господни
И тех, кого принял когда-то Господь.

Орбита Плутона! Великим кольцом
Ты солнечных братьев замкнула обитель.
Мы встретимся позже – на этой орбите,
На этой орбите, не зная о том.

* * *

В минуты скорби и сомненья,
В минуты просьб к грядущим дням
С извечной жаждой откровенья
Подходят люди к алтарям.

Мольбою счастья не умножить,
Но, пусть свершиться не дано,
Молились люди – кто как может.
Молились люди все равно.

Века сжигали и кроили,
Но только в хаосе границ
В часы надежд, в часы бессилья
Все так же кто-то падал ниц.

Но как-то в день, привычно серый,
Забыв заветы давних лет,
Сказали людям – хватит верить,
Сказали людям – Бога нет.

Они смутились – и смирились.
Они покорно разбрелись,
В заботах тихо растворились,
Делам привычным отдались.

Но в миг надежды, в миг желанья
Рука замрет на полпути:
Вдруг вспомнишь – нету покаянья,
Вдруг вспомнишь – некому спасти.

АМФИТЕАТР

Играла богиня алмазным кольцом:
Играла – ласкала, играла – скучала.
То в небо бросала его колесом,
То с пальца на палец его надевала.

То грани алмазной касалась звезда,
То блики дарило ночное светило.
Играла богиня, играла года,
Но как-то однажды кольцо уронила.

По склонам Олимпа, дрожа и звеня,
Кольцо засверкало, как брошенный
атом,
И пало на землю, и в плеске огня
Вставал над планетою
а м ф и т е а т р .

1

Вы слышали – город смятением объят –
 Елену троянцы недавно похитили!
 А наши вдогонку! Ну будет резня!
 Уже отплывают – вы видели?

З р и т е л и!

2

Закованы цепи.
 Прочтен приговор.
 И именем Бога приказ уже дан.
 Пылает, бушует, рыдает костер
 За правильным строем крестов и сутан.

Скупая молитва и отблеск огня
 В глазах побежденных, в глазах победителей.
 И крик *одного* на мгновение подмял
 И прочь разметал крики тысячи
 з р и т е л е й.

3

«Правительство... Нота... В опасности мир...
 Продвинулись к Энску с потерями
 крупными...».

Нейтрал из Чикаго тревожный эфир
 Привычно и жадно антенною щупает.

4

Ленивые вина пылятся на стойке,
 Ленивые речи у стойки текут:
 «Один против двух – прекратят забастовку».
 «Один против трех – как клопы перемрут».

5

Унылое утро. Из спящих воскреснув,
 С усмешкою жадной на сонном лице
 Мы вновь занимаем свободное место,
 Свободное место в просторном кольце.

Я путал эпохи, правленья и даты,
Но в песне времен неизменен припев:
«Упруго на сцене стоял гладиатор,
Упруго на сцену выскакивал лев».

Гудят восхищенно высокие стены:
Не медли, не мелли! Мелькает копье –
И лев по песку окровавленной сцены
Волочит дрожащее сердце свое.

О, скуки не бойся: и криков, и стона
Нам будет довольно – готовь лишь венки:
Смотри, как по сцене снуют миллионы,
Как щедро мелькают над ними клинки.

И с Богом. До края наполни бокалы,
В уютное кресло удобней враспи.
И внемли. И жди. И забудься устало.
И палец безжалостно вниз опусти.

Ч А Ш А

В далекий день далекой эры,
Блестя тяжелой сталью лат,
Подъехал к храму иновера
Усталых всадников отряд.

Дымилась жертвенная чаша,
И, взор храня броней век,
О слабых, гордых и пропавших
Молилось десять человек.

Но строгий шаг, стуча по сводам,
Молитву долгую смутил,
И голос, властный и холодный,
Над залом медленно поплыл:

«Встречай гостей. Трудны дороги.
Огня и хлеба поскорей.
Тогда лишь сыты будут боги,
Когда накормите людей».

Пылал огонь, и смех усталый
Звучал под шарканье монет.
Вино на грудь гостей стекало,
Жрецы стояли в стороне.

Скользнув по лицам взглядом плавным,
Обняв хмельных своих друзей,
«Эй, кто у вас там самый главный?» -
Спросил трезвейший из гостей.

Под взгляды робкие, несмело,
Минуту долгую спустя,
Лишь шаг к столу навстречу сделал
Хранитель Высшего Огня.

«Скажи мне, жрец: богов немало --
Силен ли твой?». Растаял смех,
И в тишине, как и пристало,
Звучал ответ: «Сильнее всех».

Клинок рванул один из вставших,
Но Гость сказал: «Постой – потом.

Подать мне жертвенную чаша,
До края полную вином».

И взгляды, быстрые и злые,
Жрецам он изредка бросал,
И ноги, грязные, босые,
Он в чашу первым погружал.

О, мог ли кто тогда молиться,
Когда мелькали, как во сне,
Врагов хохочущие лица
И ноги – в праздничном вине.

Гремели пляшущие ножны,
О щит кинжалом кто-то бил,
И чей-то крик: «Не медли – что ж ты?!»
Любого бога б пробудил.

Но вот, оружие поднявши,
Враги ушли, роняя смех.
Враги ушли. Осталась чаша
И десять в черном человек.

Здание

В дымчатом мраморе,
В мраморе белом
Здание над морем
Словно взлетело.
Только на цыпочках
К пляшущей пене
Быстро сбегали
Чудо-ступени.

Кто сотворил их?
Сами не знали.
Волны покорно
Мрамор ласкали.
Тихими песнями
Плыли года,
Только однажды
Случилась беда.
Помнят едва ли:
Война налетела ли,

Женщина ль синим
Платочком взмахнула –
Только вдруг вздрогнуло
Здание белое,
Серый песок
В поднебесье взметнуло.

Доброе время
Стерло руины,
Скрыло ступени
Пылью минут,
Волны сковало
В белые льдины.
В белые унты
Берег обут.

В саване снежном
Мир не стареет,
Но средь морозов
И льдов кабалы
На отмороженных
Скулах скалы

Теплые капли
Спеют и спеют.

Спеют, смелеют,
Неодолимы!
Льются на льдины
Теплой росой.

Вспыхнуло! Что это?
Свет нестерпимый –
Мрамор пылает
Там, над скалой.

Что это? Тех же узоров сплетенье,
Тех же колонн величавый полет,
Так же сбегают чудо-ступени,
Теплое море шепчет и льнет.

...Гул отдаленный
Бродит по склонам,
Звон и мельканье
Там, у рски.

Что это: зов ли щита непреклонный,
Взмах ли прощальный
Женской руки?

Предчувствие

Я умру в шестом часу утра,
Не успев, как водится, проститься.
«Сашенька, вставай, уже пора», -
Надо мною мама наклонится.

Комната – зашторенный покой –
Как дитя, вне всяких подозрений.
Думаешь, что вторгнешься рукой
В сладость предрассветных
сновидений.

Нет меня. И вот уже стучат
Робко и тревожно в наши двери.
Для одних – невольная печаль,
Для других – досадная потеря.

Нет меня. Так странно не дышать,
Странно так касаться стенок гроба.
В небеса не просится душа –
Хрупкая, вторичная особа.

Со слезами обиды и горя
К нам привычка пришла не вчера
Приходить перед таинством боя
Под негромкую песнь гусляра.

Неразгаданно звуков течение –
Только слушай, молчи да молись.
Иль на бой это благословенье,
Иль рука, устремленная ввысь.

Может, враг закричит твой победно,
Под тобою прогнется трава,
И прошепчешь со вздохом последним
О себе этой песни слова.

А пока, с тишиною не споря,
Эти звуки, просты и легки,
Освящают пред таинством боя
Средь степного молчанья полки.

600-летию Куликовской битвы

На бой! На бой! Оставь свой плуг,
Зовущий землю к новой дани.
Звенит булат, натянут лук,
Сыновни спины крестят длани
В неволе высохших старух.

На бой! На бой! Забыт раздор,
Звучит набат во мгле бессонной.
И стали поступь непреклонна,
И тих последний разговор.

Уж скоро утро – твой, булат,
Черед вздыматься и дымиться.
И вот мосты уже горят.
Измерен путь, и копий ряд
Готов над полем опуститься.

На бой! На бой! Упасть и встать
И вновь упасть и не очнуться.
Но нет нам права отступать
И нет нам права оглянуться.

Декабристы

Ночь. Штыки. Глаза корнета.
Шпиль, летящий в вышине.
Снег, костер и эполеты,
Обагрённые в огне.
Все привычно, все бывало:
Клич – восстание – убит...
Сколько дела предстояло.
Сколько муки предстоит.

Кандалы заголосили –
Там увидим: честь иль грех.
Эй, не плачьте: вся Россия
Народилась в декабре.

А пока и днем, и ночью
Сани вечные скрипят –
Аж на всю Россию росчерк
Декабристов... декабря.

БЕЛОЕ НАДГРОБИЕ

М. Цветаевой

1

Не сокрыть красоты разжиревшим утопиям –
Расцветают луга, сколько их ни коси.
Видишь – годы прошли и над белым
надгробием
Полыхает цветок большевистской Руси.

2

Все уж позади: не сверкать эполетам,
Не дожидаться вовек нам победных вестей
И не быть никогда самым юным поэтом,
Самым юным пажом среди свиты твоей.

И уже не нестись под прицелом тачанки,
И не скрываться туда, где изгнанницей ты,
И уже не дарить на последние франки
От российских пажей золотые цветы.

И наивных стихов изумрудную поросль
Восхищенной душой не таить, не таить.
И уже не узнать тот безжалостный поезд,
И тебя у него никогда не отбить.

И теперь не стоять и невольные слезы
От себя не скрывать, не скрывать, не
скрывать.

И дрожащей рукой две пурпурные розы
На могилу твою в тишине не склонять.

Все уже позади. Поспешить бы родиться.
Не дано. Не успеть. Позади. Позади.
Но попробуй, мой друг, от забот отрешиться
И однажды сюда поклониться приди.

И забудь о делах, и забудь об удачах,
И смири у ворот пересуды шагов.
Там седые пажы так беспомощно плачут
И сплетают венки из стихов и цветов.

Завещаем – слова. И слова нам завещаны.
Нелегко их сказать и хранить.
Что такое стихи? Это спящие женщины:
Прикоснуться – исчезнут они.

Нет – очнутся они, и средь бездны молчания
Словно юный боец от обид прокричит,
И рванется вперед, на последнем дыхании
Разорвав свою грудь о чужие мечи.

1982

Предчувствие гражданской войны

I

Наклоняется ночь над Россией.
Грязь. Безлюдье. Опасны пути.
И страна, как больной ишемией,
Засыпает с рукой на груди.

В три портьеры окно занавешено.
За стальной преградой дверей
Осторожные, мудрые женщины
Спят, собой заслонивши детей.

До утра настороженно замерли
Деревеньки, дворцы и леса.
Лишь заводов зловещее зарево
Устремляется к небесам.

Но когда-то неведомой силою
Через годы тоски и труда
Непременно над нашей могилою
Все уладится... господа.

Оттого ль, что судьба,
иль по чьей-то вине
Сколько нас уцелеет
в грядущем огне?

Или новый палач,
или новая вера
Возликует опять:
«Мера! Высшая мера!».

И пойдет... По лесам,
среди топей и пней
Будем прятать своих
матерей и детей.
Будем тихо скулить
и бессильно гадать:

То ли дверь отворить,
То ли настежь держать.

На колени упав,
Мы застынем навек
Перед жарким костром
наших библиотек.

А потом, чтобы жить,
чтобы верить и ждать,
Будем трудно учиться
людей убивать.

3

В квартирке нашей
Обетованной
Все полной чашей:
Плита и ванна.

Трюмо в прихожей,
Камин в гостиной,
Пальто из кожи
Свисает чинно.

В серванте тесно
От рюмок-блюдец,
И бра над креслом
Изящно гнутся.

Жюльен – дымится,
Коньяк – гордится,
И карп печально
Чуть шевелится.

...Стучатся – кто же?
Замки очнутся.
Вошел прохожий:
«У вас смеются,

У вас веселье,
Там – холод лютый.
И в самом деле
У вас уютно.

Как будто дома...
Вот так всегда-то:

Кому – хоромы,
Кому – заплаты.

А ну-ка, братцы, -
Мигнул прохожий, -
Давай меняться:
Тряпье – на кожу.

За мясо ставлю
Кило гороха,
За эту кралю –
Мою дуреху.
Ключи – не глядя
Махнем: не बारे!
Живи-ка, дядя,
В моей хибаре!».

А чтоб без спроса
За все за это –
Махнул у носа
Он пистолетом.

Кому мне мстить за бедность и обман,
За грязь и страх полночных перекрестков,
За лютый взгляд голодного подростка,
Размазавшего водку по щекам?

Скажи мне – кто? Скажи – по чьей вине
Лежит солдат, растерзан и растоптан,
И дачники, как будто на войне,
Копают то ли грядки, то ль окопы?

За то, что лица жестче и бледней
И впору нам уже военный китель,
За то, что детям шепчешь: «Поскорей
Бросайте все, прощайте – и бегите».

За лица потемневшие рабов,
За то, что сам в толпе их безнадежной
Я столько брел... За это можно...
Кому мне мстить – скажите, я готов.

А может быть, пришла пора расплаты?
И суд готов, и идолы не святы,
И тянется к возмездию рука.
И хочется, хоть личной нет утраты,
Громить и жечь казенные палаты
И холод ощущать курка.

А может быть, пришла пора расплаты?
И суд готов, и идолы не святы,
И той руке подсказка не нужна.
И кто-то первым крикнет: «Виноваты!».
За ним – второй. И вот уже распята
И кровью захлебнулась страна.

6. Призраки

Наши сабли затуплены
в окровавленной мгле.
Безголосыми трупами
мы идем по земле.

Из могил поднимаемся –
не убить, не сломать,
Молчаливо стекаемся
во единую рать.

Из полей под Царицыным,
из сибирских снегов,
Из дымов над станицами,
из архивных листов,
Из Крестов и Елабуги,
из музейных наград,
Из сердец, что праправнуки,
как знамена, хранят.

Возникаем. Безжалостны.
Без сомненья – вперед!
Начинается яростный
и последний поход
Над Россиею зарево.
И венки, и плевки.
Над Россиею заново
зазвенели штыки.

И мы ведать не ведаем,
кто нас кликнул на свет.
Знаем только – с победою
скоро будем в Москве.

7

Однажды камнем станет крик,
И на развалины державы
Прольется дождь, воскреснут травы,
Сверкнет затоптанный родник.

И в этот час, и в этот век
В края, пропитанные болью,
Придет иль Бог, иль Человек
И тихо скажет нам: «Довольно».

Старое кладбище

Оглянись – здесь нельзя закричать.
Оседают, кренятся кресты,
И венков неживые цветы
Начинают уже увядать.

Потускнели надгробные строчки,
Стерлись даты, и лишь иногда
Две старушки в потертых платочках
Помолиться приходят сюда.

Как всегда, подойдут виновато,
У могилы траву оборвут,
Посидят, помолчат и обратно,
Может статья, навеки уйдут.

Но однажды на траурных плитах
Развернулся и заскрежетал
Обстоятельно и деловито
Нашей воле подвластный металл.

И живые по праву живых
Беззащитный погост расчищали
И останки забытых родных
Беспорядочно в землю вбивали.

Вот и все – лишь бетон в небеса,
Новоселье до срока справляют.
И счастливых жильцов голоса
Разоренных могил не пугают.

Береста

С легким шепотом, игриво
Заговорщица-искра
Побежала торопливо
В дебри спящего костра.

Чу! – мгновенье. Чу! – дыханье
В сучьях теплого дымка,
Черной груды содроганье
Еле зримое пока.

Ах, коварные усилья –
Словно верные клинки,
Побежали, заспешили
Молодые огоньки.

Будет дело! Им на милость
В гневе огненном крута
Задрожала, распрямилась,
Запылала береста.

Сучья мрачные одеты
В пламень чистый и густой.
Сколько гнева, сколько света
В этой кожице простой!

Ужас леса, тайны леса
Гонит весело в кусты
Торжествующая песня
Самозванки-бересты.

Эка пляска! Эко диво!
Пламень сочный и лихой
Дерзко встряхивает гривой,
Бьет порывисто ногой.

И летят по лесу искры,
Как мельканье быстрых шпор.
И, внимая пляске быстрой,
Просыпается костер.

Он вздыхает, шевелится,
С ложа влажного привстав.

Только где ж ты, баловница –
Ты погибла, береста?

Где же, где ж платок твой алый?
Потеряла средь огня.
Ты погибла, отплясала,
Сумрак леса раздражня.
Он ползет, отмщенья полный,
Но, как радостный восход,
Пляской дивной пробужденный
До небес боец встает.

И несется торопливо
В чашу леса темнота.
Ах, спасибо! Ах, спасибо,
Чаровница-береста.

Белозерск

Здесь жил Господь. Издревле и двуперстно.
И день за днем незримо освящал
Бездонный снег, дорог осенних бездны,
Дымы домов, земли высокий вал,

И долгий труд, и желтую сивуху,
И ранний сон, похожий на покой,
И идола недвижимого старухи
Пред черной оступившейся избой,

Полет гусей над озером свинцовым,
Полет-привет девичьего платка
И обухом спешащего за словом
Тяжелого, как слово, кулака.

Здесь жил Господь. Не в храмах лебединых,
Не в шепоте смиреннейших из слов,
Не в золоте нательных и аршинных
И с дедами схороненных крестов.

Здесь жил Господь. Не старец белоснежный,
Играющий пылинками светил.
Здесь жил Господь, светло и безмятежно.
Мне кажется, здесь некогда он жил.

А ныне что ж? Озера так же сини,
И лягут те ж (пребудет только срок)
Бездонный снег, бездонные трясины
Коричневых проселочных дорог.

И тот же плат заплещется игриво,
И тот же клич над озером взлетит,
И точно так за словом торопливым
Стальной кулак взойдет и прогремит.

И точно так... Но горестно и пленно,
Красавицей послушной и немой,
Встает заря, встает, не освещенна
Десницею незримой и святой.

Скорей, скорей! Призвать любого бога!
Но предо мной безжалостно близки
И русских душ остывшие берлоги,
И русских храмов черные замки.

Здесь жил Господь. Не ждатель иного бога,
Но мир глядит задиристо и зло.
Лишь идол неподвижный у порога
Хранит у глаз знакомое тепло.

Моя жизнь

Необутый и небритый,
Голодом влеком,
Я брожу по неолиту
С золотым мешком.

Крещенье

Сегодня снег как серафим,
Бела дорога.
Иду, как все, путем одним:
От «пушки» к Богу.

Сегодня лина – образа
У всех прохожих.
И просит нищенка в глаза:
«Спаси ты Боже...».

И вот Врата – моих страстей
И вход, и выход.

Как странно: столько здесь людей,
И так здесь тихо.

Перед иконою своей
Склоняюсь снова.
Струятся тысячи свечей
В едином Слове.

И на меня Ее глаза
Глядят так строго.
Хотят спросить иль приказать:
«Зачем ты к Богу?».

И поспешу я грудь крестить,
Молить и славить.
Свечу – вот эта догорит –
Свою поставить.
И с непокрытой головой
Уйти пытаюсь.
Я понимаю, что чужой,
Но... возвращаюсь.

А там свеча моих надежд
Горит и тает.
Сегодня снег и чист, и свеж.
Так подobaет.

Свадьба

Эх ты волюшка – свадьба русская!
То ль ты ярмарка, то ль война.
А вот надо так: не закусывать!
А вот надо так: все до дна!

А вот надо так: чтобы стол горой!
Сто свечей горят, сто гостей кричат,
Сто костей хрустят под бокалов вой,
Сто на сто монет на полу блестят.

Что не выпито – пусть повыльется!
Пусть не хочется, а живем!
Эх, невестушка-собутыльница,
Что не умерло – то убьем!

И резвясь, заливаясь бубенчиком,
Бесшабашная свадьба поет,
И с рукою протянутой девочка
Долго-долго стоит у ворот.

И невеста давно уж потеряна,
Только туфелька на снегу.
И цыганка, легка и уверенна,
Наклоняется к жениху.

Война

Звучит так буднично — война.
Кровавый цвет привычен миру.
И смертью дата рождена,
И славу вновь разносит лира.

* * *

Излишни в ярости сраженья
Услуги крепкого щита —
Залог победы — исступленье,
Рев перекошенного рта.

Когда не в силах оглянуться,
Себя на миг опередив, -
Не выжить – только б дотянуться
До теплой вражеской груди.

Пускай упал, пускай убит,
Но воин, даже и сраженный,
Движенье это сохранит,
На верность ярости рожденный.

И в мертвом месиве людском
Уже бессильная рука
Упрямо тянется клинком
К груди остывшего врага.

Одрябли мускулы литые,
Как росчерк смерти раны, раны.
Лежат красавцы молодые,
Лежат седые ветераны.

Уж если жизнь навек ушла,
Гниют по воле злой природы

И совершенные тела,
И узкогрудые уроды.

Под синим небом бытия
Судьба у каждого своя,
Но стал нам общей из примет
Кровавый цвет, кровавый цвет.

* * *

Уже беспомощно уснули
Деревья, люди и стада,
А в небе дырочкой от пули
Горит кровавая звезда.

Эскиз античного Средиземноморья

О, божественный край, тихой песни приют:
Мирно дремлет лоза и оливы цветут.
Здесь согреет моря золотистый песок,
Здесь вина оживит благодатный глоток.

И папирус века на века сохранит,
И бессмертье струится с вершин пирамид,
И товаром всегда переполненный флот
Финикийский моряк над пучиной ведет.

Но о чем это вздох набежавшей волны?
Что за звуки спешат из морей глубины?
Зашевелится дно, забормочет на миг,
Будто тайны судеб выдает гробовщик.

Выплывает порой обитатель морей
Из пронзенных бортов боевых кораблей,
И отчаянье рук мимо скользких акул
Чей-то хрупкий скелет на восток протянул,

И с друзьями на век скован цепью одной
На холодном одре безоружный герой.

Р И М

Выше призрачных Альп и кавказских
хребтов
Над землей вознеслись семь тяжелых
холмов.

Здесь нагруженных рук не коснется восход
И металл трудовой на полях не блеснет.
Только плещет вино, да кифара звенит,
Да сверкают дворцы среди мраморных плит.

О, таинственный край, если чужды труды,
Кто обилья растил золотые плоды?
Кто лозы оживил бриллиантовый сок?
Кто шелка окрылил этих царственных тог?

Кто привел табуны быстроногих коней?
Кто металл раскалял беспощадных мечей?

И в ночной тишине, далеки и близки,
Зазвучали шаги, зазвучали шаги.
И раздался полей потревоженный стон –
То идет легион, легион, легион!

По коварным мостам массалийских болот,
По альпийским лугам он бессонно идет.
И с далеких берегов покоренной реки,
Словно эхо, звучат легионов шаги.

Черноморская соль наполняет следы,
И тревожно шумят на Элладе сады,
И ливийских пустынь пробудились пески –
Легионов шаги, легионов шаги.

* * *

Смывают краски древних сводов
Минут холодные дожди –
И забываются народы,
И забываются вожди.

Величье, кровь, мгновенья славы,
Царей капризы, козни слуг
Подчас изысканной забавой
Развеют постный наш досуг.

Взрывая, строя и рождая,
Слешим забыть и осмеять,
Спешим создать подобье рая,
Знамена новые поднять.

Но мимо радости и боли,
Величья давнего полна,
Восходит тень на Капитолий,
Всегда бессмысленно одна.

И тихо молвит: «Минут годы,
Пройдут холодные дожди –
И вновь забудутся народы,
И вновь забудутся вожди».

Фазтон

Рассвет. Небесной колесницы
Над миром отблеск золотой.
О! Как привычно олимпийцам
Нестись над юною землей.

О, как привычно наслаждаться,
Творить изящно чудеса,
И в бездны радостно бросаться,
И вновь взлетать на небеса.

Менять сердца, тела и лики,
Обилье сеять с высоты
И дев прозрачные туники
Срывать со смертной красоты.

Привычно им, легки их крылья.
И вот, бессмертием дразня,
Безумцу юному вручили
Поводья пламенного дня.

Ему б идти дорогой прежней,
Допить остаток легкий дней,
Но впереди простор безбрежный
Да гривы огненных коней.

Несись, пылая, колесница –
Людской руке не удержать
Твои сверкающие спицы –
Нам невозможно не сгорать.

Песенка

В ресторане так красиво
Подавали людям пиво,
Предлагали им креветки,
Улыбнуться не забыв.

И прозрачные розетки,
И ажурные салфетки,
И с эстрады неприметный,
Незатейливый мотив.

Где-то мчатся злые кони,
Где-то крики и погони,
Где-то бомбы и лопаты
И проклятия жены.
Там мы носим «дипломаты»,
Там мы требуем зарплаты,
Там мы вечно виноваты
И собой огорчены.

Но есть место, где красиво
Подают в бокалах пиво,
Предлагают нам креветки
На прозрачном хрустале.
Где не ставят нам отметки,
Где разложат нам салфетки
И мотивом неприметным
Жить помогут на земле.

Эскизы к разводу

1

Восемь метров – на четыре,
Кухня, ванная, балкон.
Проживаем мы в квартире:
Я, сынишка, телефон.

Снова ночь в безлунном мире,
Сын обнял меня во сне.
Восемь метров – на четыре
В телефонной тишине.

2. Совет

Чтоб не остаться в потемках
В скучной, холодной кровати -
Женщину, кошку, ребенка –
Не забывайте – погладьте.

Гладьте, без просьб и подсказок,
Бережно, нежно, слегка.

А позабудете – сразу
Чья-то найдется рука.

3. Раздел имущества

Вот теперь мы заживем!
Мы теперь с тобою в мире.
И с бумажкой «не твое»
Нет вещей в моей квартире.

Молча грузчики ушли,
Затворили тихо двери,
На прощанье посмотрели
Да руками развели.

Я один – всего, что есть!
Вновь живи, твори и пробуй!
Как просторно, будто здесь
Состоялся вынос гроба.

Лишь висит наискосок
На тончайшей паутинке

«Папа, мама, я, щенок» –
Одинокая картинка.

4. Совет влюбленным

Говорите, любя: «Не люблю»,
Чтоб потом, через тысячу лет,
Ей вослед, навсегда уходящей,
Не подумать: «Богиня моя...».

5. В гостях

Нам позвонила
и нас пригласила,
Чаем с бисквитом
нас угостила.
Долго в руках
наши руки держала
И, улыбаясь,
все разрешала.

Вечер. Пора бы...

Вздохнут: «Он здесь, он снова жив.
Все ладно – будем жить».

Не лица, рощи да поля,
Не свеч церковных свет –
Нет, Родина – моя семья,
Которой больше нет.

1985

Сорокалетие

Уже пора, уже прощаться можно,
Уже тоска в глазах моих гостей,
И женщина, прекрасна и ничтожна,
Прозяще улыбнется у дверей.

И тишина мне душу отогреет,
Ленивый кот попросит накормить,
И хочется спокойней и яснее
Молиться, улыбаться и любить.

Черновики

А знаешь, ведь это не страшно,
Коль с чьей-то легчайшей руки
Погибнут наследники наши –
Небрежные черновики.

Недорого нам обойдется,
Коль кто-то прищурится – стих! –
И так, свысока, посмеется
Над муками честными их.

Огня эти строчки коснутся
И – горсточка будущей тьмы –
От бешеной боли совьются,
Как прежде над ними и мы.

Пылайте ж, себя не предавши.
В огне вы – а значит: нас нет.
Мы встретимся позже – смешавшись
В одной ненасытной земле.

И пусть – величава, нетленна –
Ступает в сиянии слов
Стихов завершенных степенность
Над криками черновиков.

Мои стихи

Моим стихам не прозвучать
Во дни победного салюта,
И слез кому пролить не трудно –
Не стоит, право, их читать.

Мои стихи – не суд, не бой,
Не лебедей влюбленных стая.
Мои стихи... Так отпускают
Неизлечимого домой.

Стихов отравленный настой.
Их петь и плакать не годится.
Рецидивист-самоубийца,
Мои стихи, они с тобой.

Когда опять к своей груди
Прижмешь ты пламень потаенный,
Ты вспомни их и обреченно
От сердца руку отведи.

Само собой, лишь будь готов.
Когда-нибудь не нашей волей
Уже вовек не станет боле
Тебя, меня, моих стихов.

* * *

Я счастлив – мир передо мной,
Перо, бумага – все в порядке.
К чему желать судьбы иной,
Когда есть боль, сомненья, бой
И рифм коварные повадки.

Пусть вечность не сулят
Ни строчки, ни тома –
Со мной идут сквозь все невзгоды
Стихи от сердца ли,
Стихи ли от ума,
Стихи ли от плохой погоды.

Сейчас приду.

Здесь звезды несравненны».

Лукавый гений мой –

прозрачный уголек.

* * *

...и мальчики кровавые в глазах

Мой сын не родился – он на пол больницы

Кровавым комочком без крика упал.

Его белоснежный, спокойный убийца

Вздыхнул утомленно и руки поднял.

И было нас двое, и будет нас двое.

Ты НЕ защитила.

Я НЕ удержал.

На свадебном фото есть место пустое,

Которое он бы теперь занимал.

Но дальше пойдём мы и будем на свете
Работать и верить, любить и мечтать.
Но будут смотреть нам в глаза наши дети,
И будем глаза мы свои опускать.

Когда ж пред Вратами предстанем,
тревожно
Неся обагрённые души свои,
Я знаю, он скажет: «Прости ты им, Боже.
Они же родные, они же мои».

Я не помню – когда и не помню причины,
Только знаю, что трудный был год:
Поднималась страна против власти
старинной
И войною пошла на господ.

Как обычно, дома торопливо горели,
Как обычно, стреляли, секли.
Как обычно, потом неприятно висели
Ноги, ноги – у самой земли.

В погребальных венках – пулеметные ленты,
Колокольчики гильз, пустота.
Угасала война, и брели инсургенты
Кто – куда, кто – куда, кто – куда.

Но с последней горы над последней рекою
Рассмеялся в лицо пулемет.
И спросил офицер: «Ваше имя?»

«Герои!»

«Ах герои... Ну что же – вперед!»

И – заученный шаг регулярного воина.
И – последние залпы в горах.
И большие сердца горделивых героев
На холодных повисли штыках.

Утопают во мраке
Силуэты огней.
Вдруг завыла собака
У калитки моей.

Где свеча!? – и из дома,
Словно пойманный вор,
Тяжела, незнакома,
Тень метнулась во двор.

Ни следа и ни взлома,
Только пламя чадит.
Тяжело, незнакомо
Бьется сердце в груди.

Воет, воет собака,
Схоронясь за плетни.
Погасают во мраке
Человечьи огни.

Лишь поля занесенные
Да вокруг тишина –
Ночь – картина бессонная
В белой раме окна.

Вальпургиева ночь

Уже минуты сочтены –
Скорей, прохожий, прочь!
Стекает с мраморной луны
Вальпургиева ночь.

Скорей! Скорей! Туда, где ждет
Дрожащий свет лампад.
Собаки жмутся у ворот,
Скулят, скулят, скулят.

Качнулся звук. Холодный свет
По крышам пробежал.
Мелькнул косматый силуэт
И скрылся, и пропал.

И вот за ним, визжа, урча,
Седой роняя пух,
Бредет, костяшками стуча,
Три тысячи старух.

Они визжат, они орут:
«Еда! Еда! Еда!».
Младенца нежного несут
Туда, туда, туда.

Тихонько лапой посучил
И встал издохший кот.
Со свежих холмиков могил
Сочится красный пот.

И где так бережно цвели
Нарцисс и филорет,
Полезли руки из земли,
Хватая лунный свет.

А там — у мира на виду —
Распахивая плащ,
Кричит им: «Жду! — зовет их. — Жду!»
Их гений и палач.

Они спешат, сметая прочь
Траву, кусты, туман.

Храни в Вальпургиеву ночь
Меня, мой талисман!

Но что-то рвется из груди,
Как вор в чужом доме,
Толкает, требует: «Иди
К нему, к нему, к нему!».
И я шепчу: «Не с ним... не с ним»,
Толкая стены прочь.

Храни меня... храни, храни...
Вальпургиева ночь.

Неизбежность

Поздно... С работы...
Булка в пакете...
Тридцать ступенек...
Кофе с вином...
Мира кусочек
В свежей газете...
Дым сигаретный
Под потолком.

Поздно – пора уж,
Только не спится:
Из очертаний
Мертвого дня
Желтые, желтые окна больницы
Долго и странно глядят на меня.

Солнце и море!
Воздух искрится!
Женщина дразнит,

В счастье маня...
Желтые, желтые окна больницы
Долго и странно глядят на меня.

Праздничный вечер.
Свежие лица.
Ждут, поздравляют,
Шутят, шумят.
Желтые, желтые окна больницы
Долго и странно глядят на меня.

Все уплывает,
Грезится, спится,
Только навстречу
Из забытья
Желтые, желтые окна больницы
Долго и странно глядят на меня.

Чужой

И понял я: меня здесь нет,
Я лишь когда-то.
Как это странно: вот мой след,
Ладонь распята,

И голос мой – такой живой,
И боль – колюча.
И весь я в зеркале – большой,
Такой живучий.

А тут – друзья, а там – враги –
Войны морока.
И ноет зуб, спешат шаги,
Шаги вдоль окон.

Летя стремительной стрелой
От смерти – той,
До жизни – той,
Я, верно, сбился по пути.
Я здесь чужой –

Пора уйти.

Пускай спуют. Пускай спешат.

Ничто не свято.

Я умер много лет назад.

Вернусь когда-то.

Мой двор

Тихий двор. Высокие деревья.
Двери, потемневшие, в рубцах.
Рыжий пес, измученный и древний,
Вечным изваяньем у крыльца.

И одни-единственны на свете,
Вынянчив и дочек, и внучат,
Бабушки, прислушиваясь к смерти,
Бережно на лавочках сидят.

- Здрасьте! – на лету я им бросаю
- Здрасьте, - улыбаются в ответ.
И как будто сына провожая,
Мне они глядят печально вслед.

Кофты их домашнего покроя.
Платье их – нехитрое шитье.
Их еще недавно было трое.
Как же, как по имени ее?..

Сколько бы и где бы ни скитаясь,
Странное раскаянье тая,
В этот двор я снова возвращаюсь,
Снова, замирая, вижу я:

Мой подъезд, высокие деревья,
Двери, потемневшие, в рубцах,
Верный пес, беспомощный и древний,
Лавочка пустая у крыльца.

С Н Ы

1

Проснуться пора – горизонты в крови!
Проснуться пора – разорвите вуали!
Проснуться пора – нам лучи начертали
На вспыхнувших стеклах призыв «Оживи!».

Ну что же ты спишь в одиноком доме?
Тихонько виденья твои украду я:
Сейчас горячо я тебя поцелую
И сонную на руки быстро возьму.

Возьму, закружу, испугаю на миг,
Солью твои волосы с солнечным светом
И сонных миров разгадаю секреты
В наивных, любимых глазах голубых.

... Любимой глаза широко раскрывались –
И тот час же сны по земле разбежались.
Она встрепенулась, она заметалась,
Толкнула меня, горячо разрыдалась,

Потом замолчала, о! как замолчала,
Как будто себя вспоминала сначала.

Глаза опустели, глаза обмелели
И с ужасом землю окрест оглядели.
Глядели-искали, глядели-страдали,
А сны убежали в далекие дали.

Любимая с рук моих на пол скользнула,
Любимая руки на сердце замкнула
И молвила: «Быть тебе в поле и в море,
Скитаться годами в песчаном просторе,
Искать, но не зная ни часа, ни века,
Средь тысяч имен одного человека.
Спеши же, ищи же среди сотен следов
Причудливый оттиск потерянных снов.
И помни: покоя отныне не зная,
Лишь только с победой тебя ожидаю.

2

Мой дом позади,
И клубочек пути
Лежит на ладони,
Свинца тяжелес.
А там, за спиною, платочек алеет,
Как будто сигналил:
«Я верю – иди».

3

Где ты, друг? Так дорога длинна.
Так длинна, как от ада до рая.
Что же поступь твоя не слышна?
Появись! Догони! Заклинаю!

4

Закливание ветра

Тихий ропот ветвей –
Лишь по воле твоей.
Лишь по воле твоей
Устремленье зыбей,

И атаки дождей,
И смятение кудрей –
Все по воле твоей,
Лишь по воле твоей.

Из заоблачных стран
Ты на землю слетал.
Ты беспечный канкан
По степям танцевал,

Ты наотмашь хлестал
И царя, и глупца,
Ты неслышно блуждал
В бороде мудреца.

Это имя твое
Все оркестры трубят.
Собирайся в полет –
Призываю тебя!

Призываю тебя
С изумрудных долин,

Призываю тебя
С поднебесных вершин,
И с заснеженных льдин,
С океанских глубин –
Призываю тебя,
О, небес господин!

Ветер

Во всем восставшем – власть.
Приветствую тебя!
Во всех ушедших – страсть.
Приветствую тебя!
Твой голос тих, но знай:
В краях, где юный май
Роняет лепестки,
Приветствуют тебя!
Твой голос мал, но там,
Где вьюги гнезда вьют
По ледяным садам,
Приветствуют тебя!

Я – горсть песка в лицо
Коварному врагу.
Я тысячу бойцов
Сомну-сожгу в снегу.
Я радостью своей
Наполню паруса.
Я стрелами дождей
Сумею наказать.
Приветствую тебя!
Приветствую тебя!

Золотой сон

Жидкое золото льется с небес
В желтые лужи-динары.
Желтые земли покрыты окрест
Высохшей шкурой Сахары.

Но в отдаленье по прихоти грез,
С желтой сливаясь высью,
Словно монеты, на ветках берез –
Желтые, желтые листья.

Сон! Я ко встрече с тобою готов
В этом смешенье берез и песков.

I

Ах, как больно глазам!
Ах, как радостно им!
Я молюсь куполам,
Куполам золотым.

Не по воле святых
Все дома им до плеч —
Чтоб сияньем златым
Города не зажечь.

Только чья-то рука,
Тяжела, тяжела,
Пригибала к земле
Купола, купола.
И расплавленный тек
Меж горящих домов
Золотистый песок,

Словно сок куполов.

И растекся песок
Да на тысячи верст.
Да на тысячи верст
Ветер пепел разнес.

С этих смутных веков
Дышит яростным жаром
Золотых куполов
Золотая Сахара.

2

Но из дальних краев ветер семя занес
И в песок обронил, летним ливнем обрызнув.
И вставляли стволы среднерусских берез
С лоскутками злаченными листьев.

И, открывши суму,
Собирал я листву,
Собирал я листву,

Как фольгу золотую,
И звенела она.
О как нежен был звук –
Так любимых зовут
И о счастье тоскуют.

Со звенящей листвою
Воротясь домой,
Я покрою главы
Обнаженных церквей.
И на радость глазам,
И на радость перстам
Засверкают они
Над любимой моей.

Черная жемчужина

Меня черный скат
На груди качал,
И скелет-пират
Целовал-ласкал,
Надо мной фрегат
Умирал-стонал
И сто лет подряд
Мне заснуть не дал.

Но раскроюсь я
И пролью на свет
Моего жилья
Леденящий свет.
Он – слепая ночь.
Он – звенящий лед.
Пусть он гонит прочь,
Пусть он всех убьет!

Я в руки возьму ее – так тяжела.
Довольно, довольно терпенья и зла.
Пусть рассыпается старый фрегат,
Пусть жадные бури куда-то спешат,
Влюбленные пусть остаются вдвоем.
Оставь. Не завидуй. Со мной поплывем.
Жемчужная пусть веселится страна.
Похожих так много, ты в мире – одна.

«СИ» замирает
 тонкою дрожью.
Взгляды столпились
 плотным кольцом.
Все – уже можно?
 Все – уже можно!

Вдрогнула скрипка,
 не досказав,
А посредине оглохшего зала
В мелкие брызги –
 губы, глаза,
Тонкое, узкое
 тело бокала.

Мертвый сон

Чеканя четкий, мертвый шаг
По выжженной земле,
Идет мой враг, спешит мой враг –
Мой черный пистолет.

Он, не мигая, мне в глаза
Глядит, глядит, глядит.
И ворон, черный, как гроза,
С плеча его кричит.

Овраг и круча за спиной –
Куда? Куда? Куда?
А сердце – бешеный больной –
Кричит: "Беда, беда! "

И нету слов, и нету сил!
А я – такой живой!
И ворон крыльями закрыл
Полнеба надо мной.

Ему – чуть-чуть, ему – лишь шаг,
Шевелится курок.
А под ногой уже в овраг
Срывается песок.

«Не на...» – о камни головой
Сейчас, сейчас, сейчас.
А ворон вслед за мной, за мной –
Клюет и метит в глаз.

Сейчас!..

Но тихо и темно,
И хочется молчать,
И то, что было так давно,
В руках перетирать.

Прошел ли час, прошел ли год,
Иль тысяча веков, -
Ты – есть, но нету ничего.
Приятно и легко.

И нет ни «дальше», ни «куда»,
И нет ни «там», ни «здесь».
И не спешить, и не страдать.
Нет ничего – ты есть.

Прощание

Неси меня, Ветер, путями небесными,
Над синими безднами, черными безднами.
И пусть никогда, никогда не воскресну я
Для мира бессонного, мира железного.

Для мира железного умер навечно я.
Огни городов подо мной бесконечные
Бегут, угасают. Созвездия встречные
Спешат красотой своею увлечь меня.

Неси меня, Ветер, путями воздушными –
И люди, и звезды – все это так скучно мне.
Пусть только одни сновиденья послушные
Ласкают, и нежат, и радуют душу мне.

Любимая, только теперь понимаю я:
Пусть дивные сны бесконечными стаями
С тобой нас уносят, чтоб вместе растаяли
В их плоти бесплотной и вечными стали мы.

К тебе прилечу я не соколом – вороном.
В ладонь положу я жемчужину черную.
И вместе поделим мы вечность просторную,
Во сне растворяясь поровну, поровну.

* * *

Я боюсь, когда сын закрывает глаза,
Погружается в сон, затихает.
Мне ему не помочь, не спасти, не сказать –
Лишь ручонка с кровати свисает.

Он сейчас не со мной. Он сейчас без меня.
Он по сонному кружится краю.
Мне ему не помочь, и, легонько обняв,
Я лишь тело его защищаю.

Он – о камни лицом!
Он – догнали враги!
Он – и начали стены сходиться!
И летит его крики:
«Помоги! Помоги!»,
Но не может ко мне он пробиться.

... Снова ночь. Не прогнать ее, не приказать
Стороной пронести свои тени.

Снова ночь – снова сын закрывает глаза,
Не спросясь моего позволения.

* * *

Прозвенело – и рушится ночи
Величавый, таинственный храм.
Сновидений ажурные ключья
Разлетаются – прочь! – по углам.

Бьется, бьется будильник в агоньи,
Под ногами звеня на полу:
Не успеешь! В погоню! В погоню!
Видишь – толпы потоком плывут.

Разбегаются, строят, считают,
Перехватывают бутерброд,
У газетных ларьков замирают

И – вперед!

И – вперед!

И – вперед!

Все – за счастьем. Облава! Облава!

Гей! Агу! Не уйдет никуда!

И налево бегут, и направо

Обезумевшие поезда.

И среди гула сердец и моторов

Чей-то тонет призыв: «Помоги!..».

Солнце с облака падает в море,

На воде оставляя круги.

Во сне

Мы снова умираем до утра.
Мы снова там. Не встать, не
защититься.

И простыню отрубленные лица
Как будто после взмаха топора.

Лицо – без глаз. Недвижима рука.
Лишь облачко холодного дыханья.
И полночь наклоняется над нами
И слушает: он жив еще... пока.

И кажется, что бродит Смерть сама,
На цыпочки встает над этажами.
Мы спим, мы спим. Ослепшие дома
Заполнены недвижимыми телами.

В час лазурной зари,
Предрассветный,
Где цветка
Силуэт.
В час случайной любви,
Безответной,
Той звезды
Тихий свет.
В час случайный,
Безответный,
Той любви
Дальний свет.

В час зеленой листвы,
В час привольный,
Где ни бед,
Ни побед.
В час зеленой зари,
В час раздольный

Той любви
Робкий свет.
В час зеленый,
В час привольный
Той любви
Робкий свет.

В час осенней мечты,
В час осенний,
У огня
Или нет.
В час последней мечты,
В час последний
Той любви
Дальний свет.
В час последний,
В час осенний
Той любви
Тихий свет.

В час февральской звезды,
В час метельный...
Где твой друг?
Где твой след?
В час холодной звезды,
В час смертельный
Той любви
Тихий свет.
В час холодный,
В час метельный
Лишь ее
Вечный свет.

Гласные

Я – это красный, яркий и страстный.

О – это белый. А – это ясный.

У – угрожает, уничтожает.

Ы – молчаливый, страсти не знает.

И – поспешает, соединяет.

Ю – южным ветром нас обласкает.

Яблоко, ярость, яхонты, яркость!

Ух ты! Унизить, участь, ужасна!

Облако, обруч, ох! отдохнули.

Юленька, юность, льЮтся, иЮли.

Вот – посмотрите: просто и ясно –

Жизнь восхитительна, зрима и ГЛАСНА.

Таракан

Как это трудно –
убить таракана.
Он притаился
в дебрях стаканов,
Между огромных
ложек и вилок,
В гулких колодцах
старых бутылок.

Спал он, забившись
в темную щелку,
Ползал по полкам
он втихомолку,
Ночью голодной
крошки искал,
Маленьких деток
он охранял.

Вот он в потоке
яркого света.
Спрятаться – где же?!
Щелочка – где ты?!
«Люди! Не бейте:
я – понемножку,
Я не объём вас
хлебною крошкой.

В чем провинился?
Только в рожденье...».
Падает тапок
без сожаленья.
Только сегодня
понял я, мама,
Как это трудно –
бить таракана.

Женщинам

Не будь наивною, как Ева:
Схитри, спасая жизнь свою:
И плод сорви с познания древа,
И жить останься во раю.

Дай Бог изведать боль тревог
И запах плоти, душный, грешный,
И все-таки остаться нежной,
И быть счастливою. Дай Бог.

* * *

Успеть бы славой насладиться —
Дыханье сзади нами правит.
И вскоре тот, недавний «вице»,
Как милость, «экс» тебе оставит.

Огни ль ночные сигарет,
Бессилье ль рук, ручьи ли пота —
Как впредь, мгновения побед.
Как впредь, года, года работы.

Новый год

И что же там – за гранью века:
Восторг? Смятение? Торжество?
Одна к другой качнулась стрелка.
Что изменилось? Ничего.

Лишь тень испуганно метнулась
От искр бенгальского огня,
Лишь ветка елки содрогнулась,
Стеклянный шарик оброня.

Лишь капля капнула из крана
И засверкала, как слеза,
Лишь кошка пристально и странно
Вдруг заглянула мне в глаза.

Я – здесь, за гранью той минуты.
Меня *там* нет. Меня *там* нет.
Лишь ты *оттуда* бесприютно,
Прощально смотришь мне вслед.

Что здесь? Что здесь – за гранью века?
Еще бокал мой вознесен,
Но отошла от стрелки стрелка –
И изменилось тихо... *все*.

Прозрение

Ю.

Мечемся, буйно и пленно,
Не признаваясь себе:
Мы – из различных Вселенных
Здесь, на чужой нам Земле.

Небо над нами – не наше.
Лица – не наших миров.
Ты – из созвездья Двойняшек.
Я – из созвездья Весов.

Девушка! Стойте! Я буду
Дерзок, но должен сказать:
Девушка, вы не отсюда –

Здесь не такие глаза.

Может, нам нужно влюбиться,
Нужно влюбиться успеть.
Видишь, как время струится –
Скоро обратно лететь.

Тихо умрем мы, и дальше
Путь нам обратный готов:
Ты – на созвездье Двойняшек.
Я – на созвездье Весов.

И средь Вселенной бескрайней,
Прах наш в себе затая,
Искрой растает случайной
Место свиданья – Земля.

Ты слышишь — нет! Оставь меня,
Я не открою.
Пошла! Пошла! Здесь нет огня,
Здесь нет покоя.

Здесь книга старая в углу
Сто лет пылится.
Здесь даже солнце по стеклу
Скользнуть боится.

Раздастся ль сердца легкий стук —
Озноб, смятенье!
Здесь звуки дохнут на лету
Без сожаленья.

Пошла! Здесь плесень в волосах,
Здесь давят веки.
Бредет минута два часа
От стенки к стенке.
Пошла. Здесь тени голосов

Вокруг витают.
Лохмотья серых, мертвых снов
Со стен свисают.

Здесь обрываются пути
И зарастают.
Пошла... Ты плачешь?.. Погоди –
Я открываю.

Что это?

Ю.

Господи! Как хочется бежать!
Вверх!

На цыпочках!

Над сонными домами!

Господи! Как хочется дышать
Жадными,
упругими
глотками.

Стайки сиротливые планет
В сторону испуганно метнулись.
С Богом Черт невольно мне вослед
Меж собой на миг переглянулись.

«Эй, куда? Смотри – не пропади!
Воротись, пока еще не поздно!».
...Тело мне покалывают звезды,
Исчезая где-то позади.

Радостной, отчаянной стрелой
Мчусь – куда? – Вселенную тревожа.
Что же это, что это со мной:
Бешено, легко и... невозможно.

* * *

То ветер рвет и хлещет озверело,
То падают снежинки не спеша.
То нет души, и весь я - только тело.
То тела нет, а только лишь - душа.

* * *

Живешь, скуля, дрожа, живешь,
Но как-то обернешься
И вдруг промолвишь: «Мир хорош»
И тихо улыбнешься.

Но – вот досада из досад –
Тогда ж, как ни брыкайся,
Тебе негромко небеса
Промолвят: «Собирайся».

Тебе с усмешкой небеса
Промолвят: «Собирайся».

Ф Р А З Ы

«Отче наш, иже еси на небесах...»
Какой Ты? Где? Пусть голос Твой прольется,
Хотя б на миг дай в очи посмотреть.
Но мне калека с паперти смеется:
«Ты ищешь Бога – есть же только Смерть».

* * *

Не пытайся – невозможно нам
Все продлить и все успеть.
В жизни самое надежное,
К сожаленью, только смерть.

* * *

То ветер жжет и хлещет озверело,
То падают снежинки, чуть дыша.
То нет души, и весь только тело.
То тела нет – а только лишь душа.

* * *

Не пил, не курил, не громил, не гулял,
Врагов не имел, под судом не бывал.
И всем улыбался, и в церковь ходил,
И даже клопа за всю жизнь не убил.
И умер. И молвил Господь ему так:
«Ну что с тобой делать, святой ты... дурак?».

* * *

Хохотал и веселился
И под вечер застрелился.

* * *

Не хочу я ни ветра, ни поля,
Чтобы рваться и плакать в пути.
Не пойду я и в скопище боя,
Не скажу я ни разу: «Прости».

* * *

Хоть и скверная страна,
Хоть браним ее нередко, -
Лишь из русского г.....
Получается конфетка.

* * *

Все незнакомое – знакомо,
И зов в неведомую даль
Несет привычную оскому,
А с ней и легкую печаль.

И так во всем, что хоть на миг
Нагим предстанет простодушно:
Взглянул – вспылал – рванул – приник --
И вскоре скучно, скучно, скучно.

Считалочка

Раз – два – три – четыре – пять.
Можно бегать, можно спать,
Можно кашею плевать,
Можно в трусиках гулять.

Шесть – семь – восемь – девять –
десять.

Я – кот за хвост повесил.
Я – поставил два фингала.
Я – по Африке гуляла.

Одиннадцать – двенадцать.
В кого бы повлюбляться?

Четырнадцать – пятнадцать.
Она такая, братцы!
А он такой, девчонки –
Сорвала бы юбчонку.

Семнадцать – восемнадцать.
Надо чем-то заниматься...

Двадцать! Я такой красивый!
У меня такой запас!
Вот бы – сразу, с полной силой!
Всех – без отдыха – сейчас!

Двадцать два - понятно стало:
Всех на свете денег мало.

Двадцать пять. Не спать опять –
Все баюкать да качать.
На проклятую работу
Подниматься ровно в пять.

Двадцать восемь. Беспочинно
Разрыдаться, зубы сжать.
Тридцать – первые морщины
Перед зеркалом искать.

Тридцать пять. Как странно в мире,
То ль во времени дыра:
Тридцать было мне... четыре
Только, кажется, вчера.

Сорок! Будто сел на кнопку –
Аж подбрасывает ввысь!
Сорок – ах какие попки
У молоденьких девиц!

Сорок пять. Портвейн. Опять.
По субботам долго спать.
Геморрой с радикулитом
Заходили повидать.

Пятьдесят. Как будто вор
Что-то спер, что-то спер.
Юбилей не просто дата,
А, скорее, приговор.

Пять да пять – заело что-то,
Что-то начал понимать,
Раз на милую работу
Тихо хочется плевать.

Пять да семь. Рыбалка, дача
Да в квартире тишина.
Да родная передача.
Да постылая жена.

Шестьдесят. Уже привычно.
Друг повис давным - давно.
И в палате той, больничной,
Клизмы, карты, домино.

Раз – два – три – четыре – пять.
Можно бегать, можно спать
И у деда на могиле
Можно в мячик поиграть.

Семья

На ужин – щи и холодец.
К подружке мама собирается.
Шуршит газетами отец
И сном тяжелым забывается.

Проходят люди у крыльца,
И дети тихо и почтительно
За годом год все ждут конца
Своих заботливых родителей.

* * *

Погаснут тысячи светил,
Все переменится не раз,
Но наши встретятся пути.
Зачем – неведомо для нас.

Видение

Белый рыцарь в синем мраке
На серебряном коне.
И копьё его - в атаке,
И лицо его - в огне.

...Тихо очередь крадется,
Подбирается к весам.
Жвачка медленно жуется,
Вязнет к небу и зубам.

Месяц истоиво машины
Предвесенний грязный снег.
Спекулируют грузины
Всею, везде и против всех.

Лысый диктор гладко, нудно
В телевизоре бубнит.
Изо рта жены под утро
Омерзительно смердит...

Белый витязь в синем мраке
Все вперед, вперед, вперед!
Весь в атаке, лишь в атаке,
Крылья белые взлет.

...Надрывается будильник,
Задышается - устал.
Сын дежурный подзатыльник,
Усмехнувшись, почесал.

И на поручнях трамвая
Люди вялые висят.
И хохочут, завывая,
Свадьбы, свадьбы - все подряд...

Белый витязь в синем мраке
Все вперед, вперед, вперед!
Весь - стремленье, весь - атака,
Крылья белые взлет.

Встреча

Не вымыты в мае
окна.
Такого и не
случалось.
Завял твой и срезан
локон,
В шкатулке теперь
маясь.
Горбятся и свесив
груди,
Навстречу идет
старость.
Уже не считаю:
"Будет".
Уже считаю:
"Осталось".
Навстречу бредет
старость.

Мы встретились с ней
взглядом.
Она мне лишь
улыбнулась,
Как будто бы
извинялась.

Вальс

Это легкого платья круженье,
Этих строчек
полет -
Наважденье, дружок, наважденье.
Ущипни -
все пойдет.

Эти искры - волною по коже,
Этот взгляд,
этот вальс -
Это было, дружок, так возможно,

* * *

Как мне жаль, что я меньше звезды,
Что не вольный я солнечный ветер,
Что делю свою жизнь я... на метры -
Не мгновения лет световых.
Как мне жаль, что я меньше звезды...

Как мне жаль, что простым муравьем
Я несу свое слабое тело.
Надо мной же - и справа и слева -
Звезды, звезды счастливым шатром.
Как мне жаль, что простым муравьем...

Чтобы холод и мрак не застал,
Из земной затаившейся бездны
Добываю я уголь древесный,
Что однажды листвою шептал:
"Чтобы холод и мрак не застал..."

И, склонившись над нами, звезда,
Шевеля своим хвостиком млечным,

Плачет: "Ах, отчего не вечна,
Отчего я не буду всегда?"
Та, склонившись над нами, звезда...

И молчим мы недвижно втроем,
Понимая друг друга без речи.
И широким плащом своим Вечность
Защищает нас, словно крылом.
Как нам жаль, что простым муравьем...

Посередине

Март не пускает, март не дает
Через протоку мне переправы.
Солнце сверкает, плавится лед
И умирает слева и справа.

Март не пускает. И над рекой
Теплого ветра шепот лукавый:
"Нет, не успеешь, мой дорогой:
Трещина слева, трещина справа".

Радостным смехом бьет пулемет,
Словно мальчишка - так, для забавы:
Не убивая, жить не даст,
Пули вонзая слева и справа.

Так безнадежней, так веселей
Руки немеют, руки бессильны,
Словно у птицы с хрупких плечей
Справа и слева сорваны крылья.

Белая церковь, черный бугор
Женщин, ходящих, робких и грешных.
Свечи пылают - яркий костер
Справа - бессмертье, слева - надежды.

Вечное счастье. Вечная слава.
Тихий священник ясно и строго
Свадьбы - налево. Дороги - направо.
Распределяет именем Бога.

Во сне

Мы снова умираем до утра.
Мы снова там - не встать, не
защититься.

И простыню отрубленные лица
Как будто после взмаха топора.

Лицо - без глаз. Недвижима рука,
Лишь облачко холодного дыханья.
И полночь наклоняется над нами
И слушает - он жив еще... пока.

И кажется, что бродит Смерть сама,
На цыпочки встает над этажами.
Мы спим, мы спим. Ослепшие дома
Наполнены недвижимыми телами.

СОДЕРЖАНИЕ.

По кромке сна в ночи тревожной	6
Праздничный чай	7
По алее тенистой	9
Сонет	10
Утро ранит восток	11
Вечером	13
Моей груди просторный склеп	15
Я закрою тяжелые двери	17
Рецепт	18
Могила Ленского	20
Волшба красавиц	21
Опять вдоль берега ночного	23
Стереовечер	25
Каблучки	28
Другу	29

Я помню, смутная тревога	30
Праздники не праздничны	31
В ресторане	32
Станции	34
А что же дальше - тишина	35
Два портрета	36
Вечер Имен	37
Создайте мир. Да будет он широк	39
Молитва	41
Стряхните груз цепей и мантий	43
Усталой матерью, наверно	44
Мы здесь: и убийца, и некто, и гений	45
Реанимация	46
В безучастии чьем-то - покой	48
Кубик	49
Дом	50
Убит прямым попаданием	52

Шествие гор	54
Сверхновая	57
Новый год	59
Рыбалка	60
Сирень	61
Мекка	62
Задернуть бы шторы, забыться, уснуть	64
Папины стихи, бабушкины письма	65
Человек	66
Мамонт в яме	68
Порок	69
Мы бережны - слишком	71
Перед статуей Давида	72
Среди вселенской пустоты	73
Что у нас было	74
Солдаты	75
Оружие	77

Орбита Плутона	79
В минуты скорби и сомненья	80
Амфитеатр	82
Чаша	86
Здание	89
Предчувствие	93
Со слезами обиды и горя	94
На бой, на бой	95
Декабристы	97
Белое надгробие	98
Предчувствие гражданской войны	101
Старое кладбище	110
Береста	112
Белозерск	115
Моя жизнь	117
Крещенье	118
Свадьба	120

Война	121
Эскиз античного Средиземноморья	124
Рим	125
Смывают краски древних сводов	127
Фазтон	128
Песенка	129
Эскизы к разводу	131
Сорокалетие	135
Черновики	136
Мои стихи	137
Я счастлив - мир передо мной	139
Мой гений	140
Мой сын не родился	141
Я не помню - когда и не помню причины	143
Утопают во мраке	144
Вальпургиева ночь	146
Мы смехом венчались	149

Девочка с собакой	150
Неизбежность	152
Чужой	154
Мой двор	156
Сны	158
Я боюсь, когда сын закрывает глаза	179
Прозвенело - и рушится ночи	180
Во сне	182
В час лазурной зари	183
Гласные	186
Таракан	187
Женщинам	189
Успеть бы славою насладиться	190
Новый год	191
Прозрение	192
Ты слышишь - нет, оставь меня	194
Что это?	196

То ветер рвет и хлещет озверело	197
Живешь, скуля, дрожа живешь	198
Фразы	199
Считалочка	203
Семья	207
Погаснут тысячи светил	207
Видение	208
Встреча	210
Вальс	211
Как мне жаль, что я меньше звезды	213
Посередине	214
Во сне	216
Содержание	217

Сидоренко
Александр Михайлович

ЧУЖОЙ

Стихи

Авторская редакция.

28.02.2001г. Формат 60x84 ¹/₆₄, ризограф,
бумага «Ballet». Заказ А-62.

Тираж 100 экз.